

Уповор Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Краснодарского университета МВД России

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ
ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИИ
ДО И ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 Г.****Аннотация:**

В статье исследуется правовой нигилизм в России как проявление общественной психологии в историко-социологическом контексте. Автор полагает, что такого рода процессы имеют многофакторные детерминанты и их изучение наиболее эффективно не на узкопрофильной, а на междисциплинарной методологии при приоритете одной из составляющих, и в данном случае в качестве таковой выделяется общественная психология. За точку отсчета взят 1917 год, в течение которого были совершены две фундаментальные революции (Февральская и Октябрьская). Автор сначала раскрывает психологическую характеристику правового нигилизма в Российской империи и показывает, что накопившийся в стране правонигилистический потенциал стал одной из причин социальных потрясений в 1917 г. Затем выявляются особенности общественной психологии правового нигилизма в Советском государстве, где наблюдались схожие негативные явления, но на другой политико-идеологической и экономической основе, в результате чего СССР также претерпел социальные потрясения и также распался. В современной России ситуация характеризуется тем, что инерционная общественная психология правового нигилизма накладывается, с одной стороны, на правовую систему, соответствующую ведущим достижениям цивилизации (впервые всенародно принятая Конституция России, Гражданский кодекс РФ и другие законы), а с другой стороны, на такие реальные социальные отношения, которые значительно осложняют решение проблемы трансформации общественной психологии правового нигилизма в общественную психологию правового позитивизма.

Ключевые слова:

правовой нигилизм, общественная психология, сознание, чувства, наука, право, закон, власть, конституция, нарушения, суд.

Uporov Ivan Vladimirovich

D.Phil. in History, PhD in Law, Professor,
Constitutional and Administrative
Law Department,
Krasnodar University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia

**PUBLIC PSYCHOLOGY OF
LEGAL NIHILISM IN RUSSIA BEFORE
AND AFTER THE 1917 REVOLUTIONS****Summary:**

The purpose of this research is to review the legal nihilism in Russia as a manifestation of public psychology in the historical and sociological context. The author believes that these processes have multi-factorial determinants. Their study is most effective in the context of interdisciplinary methods (rather than specialized methods) with the priority of one of the components, and public psychology is singled out as such. The reference point was 1917 when two fundamental revolutions were carried out (in February and October). Accordingly, the author first revealed the psychological characteristics of legal nihilism in the Russian Empire and showed that the accumulated legal legitimacy in the country became one of the reasons for social upheaval in 1917. Then the research identified the features of the social psychology of legal nihilism in the Soviet state, where similar negative phenomena were observed, on the other political, ideological and economic basis, as a result of which the USSR underwent social upheaval and collapsed as well. In modern Russia, the situation is characterized by the fact that the inertial public psychology of legal nihilism is superimposed, on the one hand, on the legal system corresponding to the leading achievements of civilization (the first popularly adopted Constitution of Russia, the Civil Code of the Russian Federation and other laws) and, on the other hand, on such real social relations that significantly complicate the transformation of the public psychology of legal nihilism into public psychology of legal positivism.

Keywords:

legal nihilism, public psychology, consciousness, feelings, science, law, power, constitution, violations, court.

Правовой нигилизм в российских гуманитарных науках изучается в основном с позиции права. Однако такой подход представляется весьма ограниченным, поскольку данное негативное явление имеет многовекторную причинность и его правовая составляющая является лишь одной из нескольких. В связи с этим, как представляется, целесообразно сосредоточиться на общественной психологии правового нигилизма и рассмотреть ее через призму социальных отношений в России в исторической плоскости – прошедшее время позволяет провести сравнение сразу трех государственно-экономических эпох (монархическая, советская и современная).

При этом нужно иметь в виду, что общественная психология как самостоятельная ветвь психологической науки еще только проходит этап своего становления. Сам термин «общественная психология» стал активно входить в научный оборот с середины 1960-х гг., когда участники одной из конференций в США выступили с призывом к психологам «включиться в решение про-

блем общества, приняв роль агента социальных перемен» [1, с. 194] (хотя само понятие общественной психологии своими истоками уходит ко второй половине XIX в.), и среди этих проблем, по нашему мнению, правовой нигилизм занимает далеко не последнее место.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в отечественной психологической литературе, как правило, отграничиваются, при всей своей схожести, термины «общественный» и «социальный»: первый имеет более широкое наполнение, в то время как второй обычно связывается с материально-бытовыми и иными условиями жизнедеятельности людей. Так, Н.Е. Яценко пишет, что «общественная психология характеризует психологический облик различных социальных групп и выражает их интересы, это один из уровней общественного сознания, на котором доминирует не само по себе знание о действительности, а отношение к этому знанию, оценка действительности» [2, с. 273]. Нужно заметить также, что общественная психология – еще «новичок» в отечественной психологии, если иметь в виду наличие основных системных признаков отраслевой науки, и, очевидно, во многом по этой причине методы общественной психологии применяются не только собственно в психологии, но и в философии, социологии, праве, педагогике и т. д. В ряде случаев это создает разночтения по поводу принадлежности научных работ к той или иной отрасли знаний, хотя, на наш взгляд, узкопрофильность, присущая современной российской психологии, должна обязательно сочетаться, во всяком случае на уровне масштабных обобщений, с междисциплинарной методологией.

Как представляется, такое положение сложилось не без известного «нигилистического отношения к зарубежной науке в СССР, в том числе и к психологии», поскольку «в лице социальной психологии была дана заявка на трактовку исторического процесса и всей социальной жизнедеятельности человека с позиций, отличных от марксистской концепции экономического детерминизма, недооценивавшей в должной мере роль социально-психологического фактора» [3, с. 65]. Не удивительно поэтому, что в российских психологических журналах по-прежнему крайне мало публикаций, связанных с общественной психологией, в том числе применительно к правовому нигилизму. Равным образом еще далеко до формирования доминирующей точки зрения о понятии этой подотрасли психологической науки, включая терминологические особенности (так, А.К. Уледов предпочитает термин «психосоциология», справедливо указывая на интегративность этого научного направления [4, с. 59]). Н.И. Конюхов отмечает, что «общественная психология представляет собой комплекс теоретических взглядов, имеющих тенденцию к объединению в самостоятельную науку, изучающую общественную психику, т. е. психику наций, классов, социальных групп и других социальных общностей. Социальная психология в большей степени имеет тенденцию к изучению психических закономерностей формирования и развития малых групп, личности в малых группах, социальных общностях, т. е. психических явлений, возникающих при непосредственном контакте людей. Окончательная дифференциация предмета общественной психологии и социальной психологии пока не произошла» [5, с. 206]. Несмотря на то что эта мысль была высказана более двадцати лет назад, она по-прежнему актуальна.

С.Э. Крапивенский определяет общественную психологию как «совокупность чувств, настроений, обычаев, традиций, побуждений, характерных для данного общества в целом и для каждой из больших социальных групп (класса, нации и т. д.). Общественная психология вырастает непосредственно под влиянием конкретно-исторических условий социального бытия. И поскольку эти условия для каждой из больших групп различны, неизбежно различаются между собой и их социально-психологические комплексы... Разумеется, в социально-психологических комплексах противоположных классов имеются в каждой стране и общие черты, связанные с ее историческими особенностями, национальными традициями, культурным уровнем. Не случайно мы говорим об американской деловитости, немецкой пунктуальности, российской необязательности и т. д.» [6, с. 130–131] (этот автор, к слову, в числе прочего исследовал понятия «толпа» и «народ» с позиций психологии, что, бесспорно, обогатило его выводы как философа, что лишний раз подтверждает важность междисциплинарной методологии). По мнению Б.Д. Парыгина, «общественная психология – это не только данный, переходящий со временем настрой чувств и умов, не только динамическое состояние умов и нравов, но и некоторые устойчивые формы – навыки, привычки, традиции, коренные интересы и т. д., которые как раз и позволяют нам говорить об определенных и весьма устойчивых чертах классовой, профессиональной и национальной психологии, несмотря на перемены в настроении данных социальных групп» [7, с. 48]. Значительно более ранее Г.В. Плеханов характеризовал общественную психологию как «преобладающие настроения чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени» [8, с. 247]. Не имея целью включаться в дискуссию по понятийному аппарату, принимаем указанные варианты понимания общественной психологии, имеющие общую основу.

Заметим, что С.Э. Крапивенский, определяя характерную черту российского населения, называет «необязательность», т. е., по сути дела, речь идет как раз о правовом нигилизме. В этом

контексте следует заметить, что история России складывается таким образом, что проблема правового нигилизма в нашем государстве всегда была и остается актуальной. Более того, есть основания предполагать, что правовой нигилизм является частью общественной психологии русского населения разных поколений. Апогеем его проявления можно считать 1917 год, ставший годом двух фундаментальных революций, в результате которых Россия приняла с позиций цивилизационного развития совершенно иной облик, чем тот, с которым она существовала несколько столетий под эгидой династии Романовых. При этом в научных трудах правовой нигилизм, как правило (в абсолютном большинстве случаев), связывается с Октябрьской революцией, и во многом это действительно так, поскольку большевики, самозаявив об отнесении самим себе всей полноты власти в стране, одним разом отменили действие прежних законов Российской империи.

Однако, как нам представляется, Февральскую революцию на этом фоне также следует относить к проявлению правового нигилизма – достаточно назвать, например, действия российского генералитета в начале марта 1917 г., практически полностью отвергнувшие действующие законы о военной службе, о воинской присяге и фактически предавшего императора. Создание Временного правительства также не было безупречным с правовой точки зрения, равно как изданные этим органом последующие акты. Как видно, в 1917 г. правовой нигилизм проявлялся на высшем уровне политической элиты. Важно отметить при этом, что императорские суды не смогли противостоять революционному захвату власти, что свидетельствует о слабости политического (государственного) устоя монархической России. Это неудивительно, учитывая, что общественная правонигилистическая психология русского населения имеет давние корни. Речь здесь идет прежде всего об институтах крепостничества и корреспондирующего ему классического абсолютизма, долгое время, вплоть соответственно до середины XIX и начала XX в., развивавшихся вразрез с передовыми идеями цивилизации, которые определялись и по-прежнему определяются в первую очередь Западной Европой, как бы к ней ни относиться (особенно в последние годы в связи с охлаждением отношений России и западных стран), и которые основывались на уже достаточно широком представителем народа в формировании позитивного права, а также правовом равенстве людей.

На этом фоне крепостничество как характерный признак общественной психологии той эпохи, сопряженное с полным выключением крепостных крестьян из политического процесса, с приданием им де-факто высочайше санкционированного статуса человека-вещи, не могло не быть питательной почвой для правового нигилизма, поскольку у таких людей вырывалось с корнем личное жизненное пространство, дарованное человеку природой, и холоп, подчиняясь правовой и принудительной силе хозяина и смиряясь со своим положением, в душе, конечно, ненавидел все то, что исходило от власти. Такое смирение в течение веков атрофировало социальную активность крепостных крестьян, их психологическую готовность противостоять этому состоянию, что наглядно выразили литераторы-классики, которые, на наш взгляд, часто давали очень точные психологические характеристики данной социальной общности (например, Н.А. Некрасов: «Люди холопского звания – / Сущие псы иногда: / Чем тяжелей наказание, / Тем им милей господа»).

Но не только крепостные – в целом российское население не было склонно бороться за свое даже минимальное человеческое право с властью имущими. Показательно в этом смысле то обстоятельство, что декабристы, поставившие свои жизни на алтарь благополучия русского народа, не были поддержаны этим народом. Известна краткая, но очень емкая оценка М.Ю. Лермонтова – «страна рабов, страна господ». А вот мнение адмирала А.В. Колчака, который в одном из писем в апреле 1917 г. давал жесткие, можно даже сказать, беспощадные психологические характеристики основных слоев тогдашнего русского общества: «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, я хотел бы дать родине вооруженную силу, как я ее понимаю, для решения тех задач, которые так или иначе, рано или поздно будут решены, но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший, дикий (и лишенный подобия), не способный выйти из психологии рабов народ этого не захотели» [9].

Проблема правового нигилизма стала активно обсуждаться в публицистических и научных работах с середины XIX в., т. е. еще до отмены крепостного права. К этой теме обращались даже императоры. Так, Александр I высказал следующее мнение: «Хорошие законы и учреждения нужнее и надежнее хороших людей, которые всегда – только счастливые случайности. Коль скоро явятся хорошие законы и учреждения, то всякие люди будут вести себя хорошо» [10, с. 291]. Это, конечно, примитивный подход, возможно навеянный известным правоведом и сторонником существовавшего политического строя М.М. Сперанским, который справедливо указывал на необходимость «хороших» законов и немало в этом преуспел, однако его деятельность в основном была связана с юридической техникой.

Своеобразным ответом на такой подход была следующая мысль А.И. Герцена, высказанная в середине XIX в.: «Вопиющая несправедливость одной половины законов научила его (*русский народ*. – И. У.) ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство

перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство» [11, с. 86]. Мы полагаем, что здесь подмечена очень точная особенность общественной психологии правового нигилизма России середины XIX в.: он в равной степени относился и к элите, и к низшим сословиям. Наш современник, профессор Е.А. Лукьянова в 2008 г. отозвалась: «Написано как будто вчера» [12]. А ведь прошло более чем 150 лет; позади революции, позади создание и распад уникального Советского государства, позади попытки построить в России новое буржуазное (капиталистическое) государство, позади жизнь нескольких поколений, но, несмотря на это, общественная психология правового нигилизма, минуя все грандиозные события, как видим, еще в значительной степени остается прежней.

Возвращаясь к эпохе до революций 1917 г., следует заметить, что правовой нигилизм как социальное явление постепенно накапливал свой негативный потенциал и стал получать теоретическое обоснование, что свидетельствовало о его серьезности в жизни общества. Так, французский исследователь Робер указывает, что во Франции понятие нигилизма стало применяться в научных трактатах уже с конца XVIII в. [13, р. 846]. В отечественной психологии на системном уровне изучать общественную психологию этого явления одним из первых стал Н.К. Михайловский, больше известный как теоретик либерального народничества, но который, однако, значительное внимание уделял научным трудам, в том числе анализу механизмов изменения психического состояния и поведения больших социальных групп [14, с. 11]. В 1882 г., описывая особенности «коллективной, массовой психологии», он отмечал, что условия жизни обрекают народ на нищету и духовное опустошение, в результате чего социально инертная «масса» превращается в обладающую большой социальной энергией «толпу», которую «герой», выдвигаемый этой же толпой, может увлечь или на подвиг, или на преступление, становясь тем самым творцом истории; при этом «толпу» сплачивает бессознательное подражательство (объясняемое, в свою очередь, обедненностью чувств, что влечет однообразие представлений) каждого члена толпы на основе интуитивно осознаваемых общих интересов [15, с. 112] (яркий и предельно масштабный пример увлечения «толпы» на преступление – Пугачевский бунт). Заметим здесь еще, что заслугой Н.К. Михайловского является разработанная им методология научного познания. Так, Е.П. Белинская отмечает, что у него «идея “психологизации” социальных наук связана прежде всего с пониманием потенциальной междисциплинарности знания о человеке и с поиском ответа на вопрос о его едином предметном основании» [16, с. 13].

При этом Н.К. Михайловский теоретически обобщал известную ему практику. Но само становление отношений нигилистического характера «толпа – герой» имело место в процессе развития революционного движения, где происходило своеобразное «выращивание» героев-революционеров, готовых умереть за идею, подняв за собой массы. Так, в известном революционном катехизисе С.Г. Нечаева указывается, что «революционер... знает только одну науку – науку разрушения. <...> Он презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все то, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все то, что мешает ему» [17, с. 246]. Фактически призывал к революции в России, т. е. к выступлению «толпы» против существующей власти, тот же А.И. Герцен, который в 1860 г. писал в своем знаменитом «Колоколе» из Англии: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! <...> ...сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей...» [18, с. 118].

Парадоксально, но к правовому нигилизму призывали и некоторые писатели-гуманисты. Так, известно, что Л.Н. Толстой критически относился к праву, считая его возведенной в закон властной волей, и поэтому в своем письме студенту о праве (1909) он писал: право – это «грубый, губительный, ужасный обман», «гадкое мошенничество», поскольку оно «есть не что иное, как только самое грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими» [19, с. 281]. Такого рода суждений классиками, выступавшими в контексте нашей работы как общественные психологи, было высказано тогда немало, и они, на наш взгляд, вполне зримо свидетельствовали о назревшей проблеме правового нигилизма в России. Досталось от Толстого и академическим правоведом императорской России, которые, как он считал, своей научной «болтовней» о праве лишь уводят от решения реальных проблем в обществе. Тем не менее их суждения о праве не менее интересны, чем мнение писателя, даже такого великого. При этом в работах многих правоведов доминантой была мысль психологического толка о разделении и противопоставлении закона государственного и закона нравственного. Так, Б.Н. Чичерин в 1894 г. отмечал, что нравственный закон обяывает, но не принуждает; государственный же закон обяывает и принуждает [20, с. 22]. В той же работе в этом контексте он призывал к правовому позитивизму: «Если мы во имя совести отказываем в повиновении государственному закону, хотя бы он был несправедлив, то тем самым мы преступаем высший нравственный закон, на котором держится человеческое общество и который поэтому всегда должен иметь преимущество перед

законом личной совести» [21, с. 25]. Б.А. Кистяковский в одной из своих работ уже в преддверии революционных времен (1916) отмечал: «Право – по преимуществу социальная система, и притом единственная социально-дисциплинирующая система... русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне» [22, с. 615]. Надо полагать, академики не делали бы такого рода выводов без достаточных на то оснований. Тот же Б.А. Кистяковский указывал, что в России еще не написано такой книги, которая могла бы быть неким правовым манифестом общественного сознания (по типу, например, сочинений «О гражданине» и «Левиафана» Гоббса, «Об общественном договоре» Руссо, «О духе законов» Монтескье и др.). Мы полагаем, что такая книга если и будет написана когда-нибудь в России, то не иначе когда степень распространения нигилизма изменится кардинальным образом в лучшую сторону.

Но тогда, в 1917 г., накопившийся нигилистический потенциал взорвался как вулкан и потряс Россию. Пришедшие к власти большевики также не особо церемонились с правом как социальной ценностью, важнейшим регулятором общественных отношений и уже изначально определяли вектор на правовой нигилизм – ровно в соответствии со сложившейся к тому времени общественной психологией правового нигилизма, которая, как видим, передавалась от поколения к поколению вне зависимости от общественно-политического строя. И пример нигилизма показывали сами же руководители Советского государства, повторяя в этом, по сути, позицию руководителей царской России. Тот же Ленин еще в 1905 г., комментируя события революционного подъема и желая его усиления, писал: «...Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все “функции, права и привилегии” ко всем чертям. <...> ...Не бойтесь этих пробных нападений. Они могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня...» [23, с. 339–340]. Тогда это были слова оппозиционного политика, а вот уже текст Закона советской власти о народном суде (1918): «При рассмотрении всех дел Народный Суд применяет декреты Рабоче-Крестьянского Правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового руководствуется социалистическим правосознанием. Примечание. Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются» [24]. Еще более категоричная формулировка была в Законе о революционном трибунале (1919): «...революционным трибуналам предоставляется ничем не ограниченное право в определении меры репрессии. Оспаривания подсудности по делам, принятым в Революционном Трибунале, не допускаются» [25].

Такой подход, когда советский законодатель пишет о «ничем не ограниченном праве», которое могла применить только власть, лишь способствовал укреплению общественной психологии правового нигилизма, т. е. это был, на наш взгляд, саморазрушительный тренд, который в дальнейшем получил активное развитие. Издали, например, УК РСФСР 1922 г., УПК РСФСР 1922 г. В этих кодексах, конечно, присутствовала классовая составляющая, и тем не менее это были в целом вполне адекватные законы, определявшие меры уголовных наказаний и порядок их применения. Однако позже власть в «изъятие действующих актов» санкционировала появление печально известных «троек» ОГПУ, «особых совещаний» НКВД, которые вопреки указанным законам, равно как и конституционным нормам, могли во внесудебном порядке в отношении «классовых врагов» применять уголовные репрессии, вплоть до расстрела. А где такие «изъятия», там, как показывает практика, всегда есть место произволу и злоупотреблениям – сотни тысяч ни в чем не повинных советских граждан стали их жертвами. Но, с другой стороны, такое положение вытекало из дореволюционного состояния российского общества. Если те же рабочие и крестьяне были настроены негативно к царским законам, то почему сформированная на этом нигилистическая психология должна была повернуть их отношение к советским законам в положительную сторону? Да, простые люди, те, «кто был никем», бесспорно, при советской власти получили больше реальных прав, и тем самым Советское государство, при всех издержках и противоречиях, смогло приблизиться по цивилизационному уровню к развитым странам. Но ведь общественную психологию, формируемую веками, не изменить в короткое время. М. Горький в 1918 г., в частности, писал: «...я особенно подозрительно, особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти, – недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего своего» [26, с. 84].

Нужно также иметь в виду, что в СССР, как и в империи, имело место фактическое социальное расслоение, но уже при формально-правовом равенстве граждан. И пусть не было, как до этого, собственников заводов, пароходов, лесов и т. д., но были привилегии, был «блат», используемый прежде всего как раз теми, кто находился у власти и при власти и кто в обход действующих правил получал незаслуженные, а значит несправедливые преимущества. И такое положение, складывавшееся в СССР, не меняло сути дела с точки зрения общественной психологии правового нигилизма по сравнению с империей. Об этом свидетельствуют, в частности, проявления массовых протестов советских граждан. Характерными были, например, волнения в Новочеркасске в начале июня 1962 г. по причине повышения цен на мясо и масло, которые по своей

сути мало отличаются от голодных бунтов монархической эпохи. А несколько ранее, в октябре 1961 г., будто в горькую насмешку на ожидания новочеркасских рабочих, была принята новая редакция Программы КПСС, согласно которой к 1980 г. в СССР должна была быть построена материально-техническая база коммунизма, в том числе мясо и масло планировалось в изобилии. В той же Программе имелось марксистско-ленинское положение о том, что по мере приближения коммунизма государство и право будут отмирать, что нанесло большой вред развитию правовых начал и способствовало укреплению в обществе правового нигилизма [27, с. 79] (действительно, зачем выполнять законы, если они все равно «отомрут»?).

Еще одним фактором, определявшим распространение правового нигилизма в советском обществе, было конституционное положение (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.) о руководящей и направляющей роли КПСС в советском обществе, и тем самым подспудно проводилась мысль о том, что партийное решение, т. е. решение общественно-политической организации, важнее и сильнее правового акта, и в реальности так и было. В этом контексте также наблюдается схожесть общественной психологии разных эпох: в монархической России над законом стоял император, в советской – партия. Однако в силу отмеченных выше причин в советский период общественная психология как наука не находила своего развития и, соответственно, проблема правового нигилизма с этих позиций не исследовалась.

Вместе с тем следует отметить, что в 1985 г. в СССР была издана другая книга упомянутого выше А.К. Уледова – «Общественная психология и идеология» [28] – очевидно, единственный в советской психологии научный труд, где общественная психология выделялась как самостоятельный предмет психологической науки. Этот автор полагает, что общественная психология является одним из двух ответвлений развития социальной психологии и ее можно также именовать как «социологическая социальная психология» (другое ответвление – «психологическая социальная психология»). При этом общественная психология развивается гораздо медленнее ввиду того, что «явно превалирует и задает тон психологическая социальная психология» [29, с. 4]. В своем труде А.К. Уледов обосновал потребность (нереализованную) исследований методами общественной психологии социальных процессов в СССР (во взаимосвязи с идеологией), разработал научный аппарат общественной психологии. Вместе с тем эта монография носила сугубо теоретический характер, и, несмотря на то что она была издана в 1985 г. (начало перестройки), в ней нет ни одного примера из советской действительности, характеризующего реальные проблемы советского общества. Это лишний раз показывает кризисное положение этой науки на тот период времени, которая не смогла (или ей не дала это сделать советская власть) осмыслить действительность, в данном случае проблему правового нигилизма, которая все более нарастала. Последующий в 1991 г. распад СССР, как мы полагаем, в определенной степени был обусловлен все той же нигилистической общественной психологией, направленной не столько на улучшение государственности, сколько на ее разрушение, и стремлением на разрушенной основе создать новый политический и экономический строй в надежде, что он будет лучше, чем предшествующий. Однако реальность складывается отнюдь не так, как хотелось в начале 1990-х гг. Так, спустя 20 лет после распада СССР, И.Н. Сенин пишет о том, что «новый государственно-правовой строй утвердил закон в качестве высшей ценности, это решение направлено на повышение правовой культуры и искоренение нигилизма. Однако желаемых результатов нет даже в тенденции. Напротив, ситуация усугубляется» [30, с. 12].

Может сложиться впечатление, что на Россию наложено некое историческое «правонигилистическое проклятие», особенно если учесть мысль польско-американского ученого А. Валицкого, который в 1991 г. писал о том, что «право очень часто понималось в России как нечто специфически западное, привнесенное извне, и отвергалось по самым разным причинам: во имя самодержавия или анархии, во имя Христа или Маркса, во имя высших духовных ценностей или материального равенства» [31, с. 25]. И все же это не так. Не забудем, что Конституция России 1993 г. была принята всенародным голосованием – впервые за всю нашу историю, и это громадный шаг вперед с точки зрения построения в России правового государства. Конституция России содержит необходимые предпосылки для правового позитивизма, и социальная практика показывает, что право в современной России – это не привнесенное извне явление, как пишет А. Валицкий, а составная часть российского общества. В качестве примера можно привести деятельность судов – они часто подвергаются жесткой и, как правило, справедливой критике. Но нельзя не признать того, что правосудие стало доступным для россиян институтом, посредством которого правовой нигилизм получает тенденцию к уменьшению. Этому способствует и участие граждан в выборном процессе (при всех его издержках), т. е. в управлении государством на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном), повышение их ответственности за принимаемые решения в разных областях жизни. В настоящее время в России, как пишет М.С. Андрианов, среди населения расхожим является психологическое представление о законе как «правиле,

которое не надо нарушать», а следующим, более высоким уровнем правосознания является представление о законе как о «правиле, которому нужно следовать» [32, с. 7]. В любом случае эти уровни означают выход за рамки правового нигилизма, т. е. имеется определенная положительная тенденция. И здесь важно, чтобы правовое развитие России не переступило грань, за которой, как выражается Г.А. Жигачев, начинается «правовая демагогия» (несоответствие законов действительным потребностям общества), поскольку следом с неизбежностью приходит правовой нигилизм [33, с. 80–81]. Его проявлений в наши дни еще немало, но, как представляется, он уже не имеет разрушительного потенциала, т. е. имеются признаки изменения общественной психологии этого негативного явления в лучшую сторону. И чтобы закрепить эту тенденцию, необходимо особое внимание обратить на правовое воспитание школьников, более широкое распространение правовой литературы, сделать более открытой деятельность властных структур (например, в России до сих пор обычный гражданин не может свободно посетить заседание депутатского корпуса любого уровня). Свою ответственность в деле строгого следования законам должны взять на себя чиновники. Но здесь не обойтись и без встречного процесса – создания понастоящему действенного гражданского общества, которого в России пока нет: только совместные усилия активных граждан могут, наконец, избавить российское общество от правонигилистической психологии.

Ссылки:

1. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха ; науч. ред. пер. с англ. А.А. Алексеева. 2-е изд. СПб., 2006. 1096 с.
2. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999. 528 с.
3. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999. 592 с.
4. Уледов А.К. Психосоциология как интегральная отрасль научного знания : курс лекций. М., 1995. 151 с.
5. Конюхов Н.И. Словарь-справочник практического психолога. Воронеж, 1996. 224 с.
6. Крапивенский С.Э. Социальная философия. М., 2004.
7. Парыгин Б.Д. Указ. соч. С. 48.
8. Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах. М., 1956. Т. 2.
9. Цит. по: Коваленко В. Покорение Босфора Колчаком // Независимая газета. 2014. 23 дек.
10. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. 416 с.
11. Герцен А.И. Сочинения. Т. 7. М., 1950.
12. Лукьянова Е.А. Аморальное право? // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 20. С. 16–19.
13. Robert P. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. Paris, 2008. 2837 p.
14. Андреева Г.М. К истории становления социальной психологии в России // Вестник Московского университета. Серия «Психология». 1997. № 4. С. 6–17.
15. Михайловский Н.К. Герои и толпа // Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1907. Т. 2.
16. Белинская Е.П. У истоков социальной психологии: сравнительный анализ «психологии масс» Г. Лебона и концепции «героев и толпы» Н.К. Михайловского // Вестник Московского университета. Серия «Психология». 2012. № 1. С. 6–20.
17. Жчаев С.Г. «Катехизис революционера». Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997.
18. Герцен А.И. Сочинения. Т. 14. М., 1958.
19. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 38. М., 1936.
20. Чичерин Б.Н. Общее государственное право : в 3 т. Т. 1. М., 1894.
21. Там же. С. 25.
22. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. М., 1916.
23. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 11. М., 1960.
24. О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) : декрет ВЦИК от 30 нояб. 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
25. О революционных трибуналах : декрет ВЦИК от 12 апр. 1919 г. // Там же. 1919. № 13. Ст. 132.
26. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. 400 с.
27. Жигачев Г.А. Правовой нигилизм и иные детерминанты конфликтов в обществе // Вестник Тамбовского университета. 2010. № 9 (89). С. 279–283.
28. Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М., 1985.
29. Там же. С. 4.
30. Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
31. Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX в. // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 19–27.
32. Андрианов М.С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации // Психология и право. 2013. № 1. С. 1–10.
33. Жигачев Г.А. Указ. соч. С. 80–81.